

ВИКТОРИЯ ДАУД

КАК ВЫЖИТЬ
В КНИЖНОМ
КЛУБЕ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44 Б94
Д21

Victoria Dowd
THE SMART WOMAN'S GUIDE TO MURDER
Данное издание опубликовано при содействии Lorella Belli Literary Agency Ltd и Литературного агентства Синописис

Перевод с английского Ларисы Таулевич
Дизайн обложки Катерины Анфилатовой

Дауд, Виктория.
Д21 Как выжить в книжном клубе: роман / Виктория Дауд; [пер. с англ. Л. Таулевич]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 304 с. — (Высокое напряжение. До смерти иронично).

ISBN 978-5-389-32426-8

Никогда не оставайтесь в оторванном от цивилизации загородном доме в разношерстной компании потенциальных социопатов... или участников книжного клуба!

Возможно, у Урсулы Смарт были и другие планы на эти долгие снежные выходные, но, к великому огорчению своей матери Пандоры, она решает посетить ее книжный клуб в уединенном загородном доме. Среди участников — мамина лучшая подруга Мирабель, тети Шарлотта и Джой, а также Бриджет со своим псом Мистером Трезвоном.

Не важно, что в этом году они уже три раза собирались обсудить «Исчезнувшую» Гиллиан Флинн, это уединение — их шанс сбежать из шумного города. Но у кого-то есть другие идеи.

Около особняка находят тело. Пока что одно.

Убийца тайком пробрался на территорию? Или это кто-то из их группы?

Чтобы раскрыть преступление, им стоит забыть обиды и начать действовать.

Ведь они очень хотят выжить в книжном клубе.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44 Б94

© Victoria Dowd, 2020
© Школа перевода В. Баканова, 2025
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство Азбука», 2026
АЗБУКА®

Посвящается Кеву, Дилайле, Джеймсу и Саре

*«Воображение — хороший слуга, но плохой господин.
Самое простое объяснение всегда наиболее вероятно».*

*«Загадочное происшествие в Стайлзе»,
Агата Кристи*

*«Тогда мне впервые пришла мысль, что, записав
события тех нескольких лет, я смогу снять
с себя это бремя».*

*«Королевский генерал»,
Дафна дю Морье*

ПРАВИЛО НОМЕР ОДИН

*Никогда не оставайтесь в оторванном от цивилизации
загородном доме в разношерстной компании
потенциальных социопатов...
или участников книжного клуба.*

ТЕЛО НА СНЕГУ

Это случилось, когда начался снегопад: белый, с фиолетовым отливом снег слепил глаза невозможным блеском и мгновенно заметал наши следы. Мороз щипал лицо, а стоило открыть рот — и холод обжигал язык. С трудом переставляя заплетающиеся ноги, мы шли навстречу яростному ветру.

Мама как раз крикнула тете Шарлотте: «Это безумие какое-то!», когда мы заметили труп.

Женщину, видневшуюся из-под ствола упавшего дерева, тихо заносило снегом. Дерево упало задолго до появления тела, иссохший ствол рассыпался от гнилости. Несчастную засунули в углубление под деревом вместе с ворохом разноцветных шелковых платков и шарфов. Полностью одетая, она лежала лицом вниз, с неприлично расставленными ногами, в совершенно неподобающей для последнего упокоения позе. Меня так и под-

мывало подбежать и бережно прикрыть ее пестрым шарфом. Странно, что сохранение достоинства незнакомки казалось мне в тот момент важнее самого факта, что она убита.

Ледяной ветер обжигал наши лица. Я подумала, что ее скоро совсем заметет. Видимо, она лежала здесь с прошлого вечера, холодные снежные жемчужины рассыпались по спине. Тот, кто это сделал, поступил с ней как с куском мяса, выйдя за всякие рамки человечности.

Меня охватил ужас. Так бывает, когда залезаешь в слишком горячую ванну: сначала не чувствуешь боли — и вдруг она пронзает все тело.

Я запорокинула голову и устала на бушующую метель. По щекам скатились две обжигающие слезы. Черные ветви дерева цеплялись когтями за небо, словно тоже хотели сбежать. Мы стояли там, три женщины, не имеющие понятия, как реагировать на смерть, не отрывая взглядов от жуткого захоронения. С ветки ближайшего дерева холодными угольками глаз на меня смотрела птица, будто говоря: «Я тебя знаю». Внезапно она взмахнула крыльями и зависла в небе, словно чернильная клякса.

Когда мы ступили на порог того дома, ни одна из нас не могла представить, сколько крови прольется в нем за следующие сорок восемь часов. Газеты впоследствии назовут это бойней.

В уединенном загородном особняке собрались шесть женщин и собака. Присутствовал также один человек, не принадлежащий к женскому полу, как говорит мама,

то есть мужчина, однако теперь он тоже мертв. Мы полностью соответствовали критериям теста Бекдел¹.

Нет, я вовсе не думаю, что убивать способны только мужчины. Особенно теперь. Тем не менее я много размышляю об убийстве. Как и большинство знакомых мне женщин. Наверное, все дело в круге общения. С кем поведешься.

Началось все как вдохновляющий ретрит на выходные для книжного клуба моей матери; я попала туда в качестве незваной гостьи. Их список литературы был еще непритязательнее, чем туалеты в домах среднего класса, и по причинам, которые скоро станут очевидными, я всегда подозревала, что это скорее пивной, чем книжный клуб. Кое-кому из нас предстояло стать убийцей, другим — умереть. Я выжила. Когда наша история наконец выплыла на свет, она распространилась подобно чуме, и при этом мы, ее участницы, казались всем лишь смутными силуэтами, оставившими не более чем инверсионный след. Мы превратились в призраков и стали предметом множества невероятных домыслов. Так продолжалось до настоящего времени.

Моя мать не относилась к людям, кого хочется видеть рядом с собой в случае угрозы для жизни. Она ясно изложила свою позицию, еще когда мы ехали по бесконечной проселочной дороге, ведущей к особняку.

— Милая Урсула!

Я подняла палец, чтобы вставить слово.

¹ Тест Бекдел — тест на гендерную предвзятость. Чтобы успешно пройти тест, художественное произведение должно иметь не менее двух женских персонажей, они должны говорить друг с другом и тема разговора не должна касаться мужчин. (*Здесь и далее прим. перев.*)

— Тебя здесь вообще не должно быть, — любезно напомнила мне мама и продолжила: — А потому ни в коем случае не утруждай себя высказыванием своего мнения по любому вопросу. Помалкивай в тряпочку.

Я опустила руку.

— Хочу напомнить, что это единственная выездная встреча моего книжного клуба, и я буду тебе крайне признательна, если ты ничего не испортишь. Скажи спасибо, что взяла тебя с собой. Если бы не очередной эпизод...

— Мама, я не первый день на свете живу, как-нибудь справлюсь.

— Пока что не справляешься.

— Тоже мне, книжный клуб! Вы уже три раза в этом году читали «Исчезнувшую».

— Дело не в этом. Мы — серьезная литературная группа.

— Обсуждение старых детективных романов и парочки щекочущих нервы триллеров, которые близки вам по духу, потому что их персонажи злоупотребляют спиртным, не делает вас серьезной литературной группой.

Мама презрительно поджала губы.

— Если бы ты не устраивала драмы в духе бедной узницы с чердака, я бы не боялась оставить тебя дома и спокойно поехала одна.

— Мне двадцать пять лет!

— А ведешь себя как подросток и одеваешься как пенсионерка!

Я повернула голову и впиалась взглядом в ее профиль.

— Опять начинаешь копать в психологии? Не надо меня ремонтировать, будто протекающий кран!

Ох уж этот материнский взгляд!

Мамино любимое занятие — меня исправлять; так относятся к постели, придавая ей строгие больничные углы и застилая каждый день свежими простынями с фальшивым запахом лаванды. Мой отказ от стерилизации выводит маму из себя; она отвергает любые мои попытки объяснить, что в жизни должны присутствовать многослойность, осадок, черные и белые полосы.

— Кроме того, — добавила я, — за драмы в духе узницы с чердака надо сказать спасибо тебе. И готические романы тут ни при чем, ты просто не умеешь воспитывать детей.

— Я делала это из-за... инцидентов после ухода твоего отца.

Она медленно вдавила педаль газа, как будто наступила кому-то на горло. Не важно кому.

У нас с мамой всегда были невероятно теплые отношения, с шуточками и подковырками, а папина смерть сблизила нас еще сильнее.

Папа, если хотите, был богом. Пока не умер, естественно. И нет, его не убили. Смерть настигла его дома. Вернее, в саду.

Это случилось, когда мне было всего тринадцать лет, и мама немедленно отправила меня в пансион. На самом деле она потратила на мою новую школу большую часть папиной страховки и работала в своем книжном магазине с утра до ночи, по праздникам и в выходные, чтобы я могла там учиться. У нее букинистическая лавка в Кью. Не знаю, как она удержалась от соблазна назвать ее «Ящиком Пандоры». Ее зовут Пандора, а меня Урсула, Урсула Смарт.

«Ящик Урсулы» она почему-то не рассматривала, к тому же Урсула и Пандора Смарт — не настоящие име-

на, а придуманные мной псевдонимы. Мое настоящее имя — еще одно преступление, которое я ставлю в вину своей матери.

Я бросила взгляд в окно. Мы прибыли в Амбровые Башни. Тяжелый фасад из кладбищенского гранита смотрел на нас с суровым неодобрением. Когда мы выехали, мама, как обычно, велела мне не прислоняться грязной головой к стеклу. Я начала поездку, разместив в соцсети комментарий #скуотища_с_мамой, а в конце прислонилась головой к стеклу и листала мемы с матереубийством.

— Ты можешь оторваться от чертова телефона? — окрысилась на меня мама. — Он у тебя как тревожные четки.

Она прибегла к маневру, гарантирующему последнее слово. Хитрость заключается в том, чтобы совершить высказывание, выйти из машины и захлопнуть дверцу, не дав противнику возможности ответить. Не самая привлекательная, однако весьма эффективная тактика.

— Могла бы уже и заменить экран.

Ей бесполезно объяснять, что я намеренно оставила все как есть, чтобы не расстраиваться, если по новой разобью. Мама считала глупостью не чинить вещи из опасения, что те могут сломаться вновь. По ее мнению, именно из-за моего занудного самокопания все считают меня странной. У мамы определенно есть дар слова. Под «всеми» она подразумевает себя и нескольких подруг, переживающих кризис среднего возраста, которых приближает к себе, чтобы выглядеть «нормальной». Средний возраст применительно к ним совпадает с историческим описанием Средних веков: отталкивающие, невежественные и безжалостные. Невероятно точная характеристика.

Когда я обошла машину спереди, мама остановилась, посмотрела на меня с таким видом, будто собиралась начать вскрытие, и сказала тихо, как бы сама себе, хотя мы обе понимали, что это не так:

— Не понимаю, почему ты решила испохабить мои единственные за весь год выходные вдали от дома?

— Ставки повышаются? Сначала «испортить», а теперь уже «испохабить», — парировала я.

— Эгоистка, вся в отца.

— Он умер, ты не забыла?

Мама помрачнела. Она почти не способна выражать эмоции. Перепробовав все мыслимые процедуры по уходу за лицом — массажи, кремы, инъекции, — она лишь приобрела озлобленное и застывшее выражение. Тем не менее маму можно назвать ухоженной, хотя это звучит немного по-лошадиному, а она ненавидит животных, да и вообще все живое. Ее философия незамысловата: жизнь ужасна, а мы должны смириться. Стоическое, суровое отношение к происходящему она приняла, когда умер папа.

Мы стояли возле машины на ноябрьском ветру в тревожном молчании. В воздухе висел запах сырости и гнили, смешанный с дымом далеких костров.

На гравийной дорожке, которая вела к темной дубовой двери Амбровых Башен, шуршали листья. В пустых глазницах окон отражался серебрившийся над полями туман. Склоны холмов окутывал мглистый саван. Мы попали в холодный заброшенный мир, посреди которого стоял угрюмый особняк с пепельно-серым лицом.

Мать зашагала по направлению к дому, удаляясь от машины и от меня, а я вспомнила другой мертвый ноябрьский день, много лет назад.

Теперь я почти наслаждалась этим странно притягательным ароматом крематория. В нем слышалась приторная, искусственная цветочная нота, которой маскируют смерть и запах бальзамирующих мазей в похоронном зале. Мамино лицо тогда тоже напоминало по-смертную маску — благодаря новой дозе ботокса.

День похорон, самый заурядный — не холодный и не жаркий, не сулил никаких надежд. В нем сквозил отчетливый оттенок безразличия, ощущения, что ничего особенного не происходит. Переработанный воздух струился по слишком просторному салону машины. Никто не давал воли эмоциям.

Слезы застилали глаза, и я старалась не моргать, чтобы не пролить ни единой капли грусти. Мамина неподвижная рука лежала на идеально сидящем платье. На нас глазели: интересно же разглядывать лица скорбящих. Смерть не просто пугает. Она завораживает. Некоторые даже крестились. Хотя Бог в этом действе явно не участвовал.

Когда мы наконец приехали, все имело какой-то заранее предопределенный вид: еще одни похороны в череде подобных. Мне тогда показалось странным, что нечто столь неожиданное можно так легко и быстро организовать. Я тронула маму за рукав, однако та отошла от машины. Наверное, не заметила.

Папа олицетворял собой мое детство. Когда он умер, я подумала, что это отчасти моя вина — я выросла, значит, ему пора уходить. Он упал на клумбу, схватившись за грудь. Когда его сердце завершило последний удар, он унес с собой мой последний детский вздох. Я села, положив на колени папину голову, наклонилась и почувствовала, как он испустил дух. От него пахло чем-то

пряным и сладким, вроде рождественского кекса с марципаном. Следующий вдох я сделала уже без папы. Вот тогда я и ощутила вкус нового мира: холодный, грубый, пресный. В нем осталось меньше оттенков, меньше возможностей, он не манил, не очаровывал. Плоский, бесстрастный, единственно настоящий мир, о котором вечно твердит мама.

Странно, что у папы отказало сердце — самое лучшее, что у него было. Наверное, оно отлюбило свое и сдалось так же легко, как износившийся коленный сустав. Я подумала тогда, что папино сердце слишком много любило и остановилось, не выдержав нагрузки, однако мама развеяла мои иллюзии. «Конечно, он умер не от избытка любви! Что угодно, только не это!» Он умер с необъяснимым выражением, как будто признал себя побежденным. Его лицо застыло. Я не поняла, когда его глаза перестали меня видеть. В розовых щеках еще теплилась жизнь, а тело уже превратилось в тряпичную куклу.

Я наблюдала за мамой, вновь уходящей от меня. Она не знала поражений. Папа называл ее великим произведением современного искусства — невероятно умным, чрезвычайно нервным и совершенно непостижимым. При этом воспоминании я не удержалась от улыбки.

Мать обернулась, хрустнув гравием.

— Чему ты ухмыляешься?

— Вспомнила папу.

— И что смешного?

Она сжала кулаки. Ее руки все еще украшали кольца и браслеты, подаренные папой. Она так сильно скучает по нему, что иногда это перерастает в обиду. Смерть близких корежит людей, придает им новую форму, в которой они застывают.

ПРАВИЛО НОМЕР ДВА

На местности. Обращайте самое пристальное внимание на все детали вашего нового окружения.

ДОМ

Я запарилась в дорожной одежде. Не то чтобы у меня имелась какая-то специальная одежда для путешествий. Я считаю, что в большинстве случаев годятся джинсы и все черное, но при нагревании до определенной степени они выделяют неприятный запах.

— Фу, ты воняешь.

Мать потянула носом, чтобы продемонстрировать этот факт.

— Сколько тебе лет, мама?

— Освежитель воздуха — не парфюм, — злобно пропела она, дойдя до ступеней.

Это одно из любимых высказываний матери, наряду с фразой «Пол — не место для хранения», что я интерпретировала по-своему: если ты занималась чем-то грязным или тайным, не забудь спрятать улики. Чистоплотность не всегда идет рука об руку с невинностью, хотя, безусловно, способна замаскировать множество грехов.

Жизнь под одной крышей с моей матерью требует искусства скрытности; впрочем, мы предпочитаем термин «аккуратность».

Сегодня мама, как обычно, излучала спокойствие и уверенность, и за ней тянулся тонкий шлейф чего-то явно более изысканного, чем освежитель воздуха. Мне между тем не удалось сохранить и малой доли своего лоска. Кудрявые от природы волосы скрутились в тугие пружины, а одежда помялась и источала неприятный запах, как будто меня прямо в ней сварили на медленном огне.

Мама бросила на меня свой коронный материнский взгляд, ясно давая понять, что я не соответствую стилю Амбровых Башен. Поднимаясь по вычурной лестнице, я уже знала, что история не простит мне такого пренебрежения.

Особняк смотрел на нас с суровой непреклонностью. Над темными окнами тяжело нависали резные каменные барельефы. В каждом камне проступала кровавая печать древней тоски и безысходности, свойственная несказанному богатству. Подчеркиваю: крови на самом деле не было. Во всяком случае, пока. Тем не менее преувеличенно театральная обстановка требовала мелодрамы, которую можно описать только самым витиеватым языком. Нам надлежало прибыть в разгар ужасающей грозы, промокнув до нитки, с развевающимися на ветру власами, с глазами, ослепленными кислотно-белыми вспышками молний, вспарывающих небо и высекающих из тьмы угрюмый фасад каменного идола.

Реальность оказалась куда более прозаичной и унылой. Нас встретила тетя Мирабель.

— Прохладно сегодня, — поежилась она. — Входи скорей и устраивайся, Пандора.

Она обняла мать и кисло улыбнулась мне.

Тетя Мирабель нам не родственница, а всего лишь мамина подруга детства и моя крестная. Формально она не принадлежит к нашей семье, и я не устаю ей об этом напоминать.

— Поздоровайся с тетей Мирабель, — скомандовала мама.

— Здравствуй, Мирабель.

Мама поджала губы, что категорически запретил ей косметолог, — будто шнурки затянула, чтобы ничего не вырвалось.

Мирабель рассмеялась.

— Все та же не по годам развитая бунтарка.

— О, да. — Мама не помнит моего детства. — Теперь еще и вегетарианка.

Она произнесла это с таким видом, словно я подхватила хламидиоз.

— Бедняжка заморит себя голодом.

— Знаю.

Я равнодушно наблюдала, как они играют со мной, точно две кошки с подыхающим воробьем. В одном мама была права (хотя это не отменяло ее чудовищной узколобости): этот особняк — не лучшее место для человека, исповедующего вегетарианство. Со стен холла на нас смотрели крупные животные, застигнутые в момент смерти, головы которых кто-то старательно сохранил, чтобы использовать в качестве украшения.

Мама повернулась ко мне и кивнула с типичным для нее состраданием палача.

— Ты заморишь себя голодом.

Мать, называется! Мирабель в псевдодеревенской одежде, на которой еще лежал лондонский лоск, выглядела

типичной женой банкира, если не сказать большего. Все удивлялись, что общего у мамы со столь недалеким существом. Казалось, они друг друга не выносят, но дружили они так давно, что никто уже не помнил, как так получилось.

Мы шли по огромному холлу, и наши шаги эхом отражались от темных каменных плит. Винтовая лестница змеилась наверх и уходила под сводчатый потолок. Высокие панорамные окна почти не пропускали света, сквозь затемненное стекло просачивались лишь смутные проблески дня. Тусклые краски расплывались, заливая все мрачным синюшным светом, как будто дом строил человек, которому было что скрывать.

В неподвижном воздухе вились густые клубы пыли; складывалось впечатление, что дом постепенно рассыпается. Старые деревянные панели и тяжелые лакированные рамы крошились, оставляя после себя сухой древесный запах. Такой монолитный мавзолей могли построить только безумно богатые викторианцы. В этом пугающем старом доме не составляло труда представить, как кто-то сделал из своей матери чучело и посадил у окна. Я посмотрела на маму. Гм... заманчивая мысль.

— Мы здесь полные хозяева! — заявила Мирабель.

В этот момент у нас над головами загремели шаги, и в одном из бесчисленных склепов наверху хлопнула дверь.

— Ну не считая призрака, — рассмеялась она.

Нам это не показалось смешным.

— Не бойтесь, это экономка. Выжившая из ума старая карга, даже не знает, где у них вино.

Дом нашла Мирабель, а забронировала и оплатила, конечно же, мама. Уединенный особняк, который владельцы

сдавали всего на неделю каждый год, вроде Airbnb, только с элементом эксклюзивности. Такой себе Бригадун¹.

Мирабель заявила, что они получают прекрасную возможность удалиться от мира и серьезно заняться книгами, что бы это ни значило. Подозреваю, она увидела объявление на последней странице одного из своих любимых снобских журналов, вроде «Загородной жизни», которые описывают совершенно другую реальность и удовлетворяют ее жажду тщеславия.

Работа маминогo книжного клуба сводилась преимущественно к спорам о том, какую книгу выбрать. Так, «Исчезнувшая» входила в список трижды. Затем началась нудная переписка о времени, месте проведения дебатов и более насущных вопросах: изысканный ужин у кого-то дома с секретными поварами, а дом выбирали обычно тот, где недавно установили новую кухню (подвал, винный погреб). Вялое обсуждение книги, которую одна не дочитала, другая не начала, а третья не купила, если только это не «Исчезнувшая», заметно оживлялось, когда переходило в обмен сплетнями, интриги, перемывание костей общим знакомым. Все это сопровождалось обильным количеством просекко. Если вы хоть раз состояли в книжном клубе, то прекрасно меня понимаете, однако этот особняк, с его богатой историей семейных преступлений и тайн, ни разу за свою долгую жизнь не переживал бедствия, которое могло бы сравниться с заседанием книжного клуба во всей его красе.

Грозная Мирабель с детства напоминала мне удивительно точную копию деспотичной мисс Транчбул из

¹ Упоминание о Бригадуне — отсылка к известной пьесе и мюзиклу, где загадочный шотландский город появляется на один день раз в сто лет.

мюзикла «Матильда». В тот день в театре Мирабель и мама на некоторое время меня потеряли. Я следила за ними и видела из своего укрытия на балконе, как они близки. Мама всегда допускала Мирабель гораздо ближе, чем меня. «Не забывай о личном пространстве, Урсула», — вечно твердила она мне.

Сейчас я внимательно наблюдала за Мирабель, которой, в отличие от меня, позволялось нарушать мамино личное пространство. Она вела нас из столовой в гостиную, словно представляя своему загородному имению. Атмосфера напомнила мне игру «Клуэдо»¹, особенно если вообразить Мирабель в роли толстой румяной поварихи, а еще лучше — жертвы убийства.

Во всех без исключения комнатах висели монументальные полотна: экзотические битвы, выцветшие сцены сафари, развевающиеся паруса старинных каравелл, гербы благородных семейств, знавших лучшие времена. Застывшие в краске лица смотрели на нас с темных лакированных портретов немигающими глазами. Навечно лишенные голоса, они отчаянно пытались что-то сказать, предупредить.

Кое-где на стенах виднелись темные, словно выжженные временем, контуры исчезнувших портретов. Наверное, паршивые овцы или белые вороны, тупиковые ветви семейного древа, отправленные гнить в другие места.

На всех горизонтальных полированных поверхностях были расставлены многочисленные безделушки. Мама, например, уверена, что отсутствие хлама сокращает время уборки. Ей хочется, чтобы в доме стояла такая чисто-

¹ В детективной игре *Cluedo* (в США *Clue*) игроки пытаются выяснить, кто совершил убийство, где и каким оружием.

та, как будто мы уже умерли. Она не разрешает мне даже фотографии выставлять.

«Пылесборники!» — возмущенно кричит мама, как будто лица могут высунуться с запылившегося снимка и укусить кого-нибудь за ногу.

Я прячу фотокарточки папы в запертом ящике туалетного столика, между страниц «Джейн Эйр», куда, как мне кажется, никогда не заглянет мама. Бог весть, где она хранит свои. Наверное, между страниц «Исчезнувшей».

— А теперь — библиотека, — объявила Мирабель.

Наверное, хранилище книг редко бывает сердцем дома, однако в нашем случае оно сыграло крайне важную роль. Всякий, кто хотя бы поверхностно знаком с детективным жанром, понимает, что библиотека — идеальное место для убийства. Видимо, полки с книгами помогают людям расслабиться, те дают волю страстям и либо соблазняют кого-то, либо убивают.

Библиотека в Амбровых Башнях представляла собой мечту социопата. По словам Мирабель, экономка ей рассказала, что семья сделала состояние на китобойном промысле и продаже добытого из китов жира. Какая ирония судьбы, ведь моя мамочка и участницы ее книжного клуба платят бешеные деньги за то, чтобы жир выкачивали из них самих.

Библиотека таила в себе множество специально предусмотренных укромных уголков, обеспечивающих максимальное уединение и возможность спрятаться от всего мира. У каждой стены, уставленной полками с книгами в дорогих кожаных переплетах, имелась ниша с удобным креслом изысканной работы. От прошлого здесь не отказывались — его принимали и лелеяли. Стрелки часов на громоздком старомодном радиоприемнике, помнив-

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

Дауд Виктория

КАК ВЫЖИТЬ В КНИЖНОМ КЛУБЕ

Ответственный редактор *М. Смылова*
Литературный редактор *О. Царева*
Художественный редактор *К. Анфилатова*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *А. Сухарева, Е. Бударгина*
Верстка *В. Демин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.02.2026.
Формат 60×84^{1/32}. Гарнитура «Spectral». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,73. Тираж 2000 экз.
Т-NVC-41721-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

